

Появление новых институтов во всех отраслях права современной России – явление неизбежное. Изложенные положения, как думается, необходимо учитывать при конструировании новых институтов уголовно-процессуального права.

РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: НЕОБХОДИМОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Н.Г. Стойко

Известно, что реформирование отечественного уголовного процесса, наиболее ярко выразившееся в принятии нового УПК РФ, получило неоднозначную и весьма критичную оценку в юридической литературе. В частности отмечалось, что принятие нового УПК РФ было не подготовлено, проводилось в закрытой обстановке, без широкого обсуждения юридической общественностью и предварительной экспертной оценки¹. По мнению ряда авторов, в результате получился «достаточно «сырой», теоретически не выдержанный и организационно не обеспеченный государством закон»², вступление которого в силу парализовало работу правоохранительных органов, существенно увеличило безнаказанность как одну из серьезных причин преступности³. Представляется, что подобный эффект был вызван *тремя факторами*: внешне состязательным характером многих новелл законодателя, которые воспринимались как отказ от достижения истины и создавали впечатление о смещении российского уголовного процесса в сторону англосаксонского судопроизводства (в его классическом теоретическом воплощении); внезапностью, неожиданностью для правоприменителя появления этих ново-

¹ См. об этом: *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 78–79.

² *Дершиев Ю.В.* «Новая идеология» и наука уголовного судопроизводства // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. Юрид. науки. 2003. № 4. С. 16. Более уравновешенную оценку нового УПК РФ, но в целом близкую (но не во всем) с приведенными см.: *Шейфер С.А.* Пути развития российского судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей Ч. 29 / Под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2005. С. 4–6.

³ Как отмечает В.В. Лунеев, среди неправомерно преследуемых (число которых в отдельные годы достигает 200 тыс. человек) заметно возросла доля лиц, фактически совершивших преступления, но не избранных в этом. См.: *Лунеев В.В.* Преступность XX века. С. 78–80.

введений; игнорированием необходимости учета взаимосвязи между уровнем защиты прав и свобод обвиняемых и эффективностью борьбы с преступностью.

Первый фактор (если признать, что авторы законопроекта сознательно стремились американизировать наш уголовный процесс) говорит о том, что разработчики проекта нового УПК, по всей видимости, не оценивали риска юридической декультурации, не брали во внимание мировой опыт реформирования современного уголовного процесса. *Второй фактор* – о том, что изменения планировались как своего рода шокотерапия (во всяком случае, так они были проведены). *Третий фактор* – об отсутствии качественного правового и криминологического анализа актуальной ситуации в сфере борьбы с преступностью, а также прогноза последствий реализации тех или иных положений закона на практике¹.

Думается, российский уголовный процесс выдержал нанесенный ему подобным реформированием удар и продолжает следовать в русле своих собственных (континентально-правовых по типу) традиций. Об этом свидетельствует в частности (как это ни парадоксально) вывод, сделанный по результатам мониторинга действия нового УПК, инициированного его идеологами: «Имеется противоречие между высоким юридическим и правовым стандартом нового УПК, архаичностью мышления правоприменителей и практикой его реализации»². Ведь очевидно, что континентально-правовой тип мышления (не архаический) и практики воспротивился внешне состязательным нововведениям и воспроизвел себя.

В данной связи обращает на себя внимание то, каким образом осуществляется преобразование французского и германского уголовного процесса, типологически близкого российскому судопроизводству. Нужно сразу подчеркнуть, что в сравнении с Россией никаких «революционных» шагов по реформированию своего уголовного процесса ни Германия, ни Франция в современный период не сделали (хотя опреде-

¹ На необходимость такого анализа (в период, предшествующий принятию УПК РФ, и в настоящее время) указывали и продолжают указывать многие видные ученые-правоведы и криминологи. Например, об этом говорил В.В. Лунеев во вступительном слове на научно-практической конференции «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ»: Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» / Материал подготовлен Н.В. Тогоидзе // Государство и право. 2002. № 9. С. 89–90; *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112; *Босхолов С.С.* Современная уголовная политика как часть социально-правовой политики государства // Сибирский криминологический журнал. 2006. № 1. С. 10.

² Цит. по: *Лунеев В.В.* Преступность XX века. С. 79.

ленные попытки такого реформирования во Франции и были). Обновление законодательства происходит постепенно с ориентиром на Европейскую конвенцию по правам человека и с учетом собственных правовых традиций. Направления производимого и планируемого реформирования в целом совпадают с теми, по которым изменялся российский уголовный процесс: расширение прав обвиняемого и потерпевшего, усиление судебного контроля в досудебном производстве и конфронтационности в судебном производстве. Но движение в этих направлениях идет крайне медленно и осторожно. Практически не изменилось положение суда. Он по-прежнему обладает подавляющей следственной активностью. Не произошло и сколько-нибудь существенного расширения прав негосударственных участников процесса. Заметно усилился лишь судебный контроль в досудебном производстве (особенно в Германии). Наиболее радикальное предложение об упразднении часто критикуемого института следственного судьи было реализовано только в Германии (1975 г.). Во Франции же попытки сделать это предпринимались неоднократно, но всякий раз категорически отвергались (в 1949, 1987, 1990, 1993 гг.)¹.

Очевидно, что подобная медлительность и осторожность не случайны. Думается, они вызваны наличием как вполне естественного консерватизма в среде юристов, так и определенными разумными опасениями. Нововведения, если они не поддерживаются, идеологически, политически и организационно не обеспечены, будут неизбежно отторгнуты практикой и способны негативно воздействовать на эффективность борьбы с преступностью. Нельзя исключать и того, что Германия и Франция учитывают свой исторический опыт, который показывает, что заимствованные английские или американские институты уголовно-процессуального права не приживаются в их странах (суд присяжных существовал в Германии только в период Веймарской республики, а во Франции был серьезно модифицирован с учетом собственных правовых традиций). Идеи процедурного равенства и состязательности были воплощены в жизнь и развились как устойчивая система ценностей в странах общего права. Как предельно общие ценности они вполне приемлемы и для стран континентального права, но возникли в другой правовой среде, предполагающей принципиально иные способы их реализации. Отсюда и возникают «напряжения» при попытке переноса данных ценностей на континентально-правовую почву. Отсюда и необходимость поиска такого пути развития, при котором бы фундаменталь-

¹ О реформировании французского и германского уголовного процесса см. подробнее: Comparative Criminal Procedure / Ed. J. Hatchard, B. Huber, R. Vogler. P. 85–92, 161–169.

ные права и свободы уважались, но уголовный процесс коренным образом не менялся. Поэтому во Франции и Германии упор в большей мере делается на гуманизацию уголовно-правовой политики, эффективный процессуальный контроль, высокие профессиональные и этические стандарты и т.п. В конце концов, если общество способно гарантировать такую работу своих правоохранительных органов, при которой к обвиняемым относятся гуманно, не допускается привлечение к уголовной ответственности невиновных и обеспечивается неотвратимое и справедливое наказание виновных, то оно может позволить себе существование консервативного уголовного судопроизводства следственно-го типа.

Разумеется, сказанное не означает, что реформирование российской уголовного процесса не было оправданным (в особенности с точки зрения защиты прав и свобод человека и гражданина) или что следует остановить реформы (в особенности в практической области). Напротив, различные исследования, проводившиеся в период, предшествующий принятию нового УПК РФ, свидетельствовали о настоятельной необходимости такого реформирования. Ряд исследований был осуществлен и автором данной работы (или при его непосредственном руководстве и участии).

Так, в 1988 г. был проведен опрос 183 дознавателей (99) и следователей (84). На разрешение поставлено два вопроса: предоставляете ли Вы время обвиняемому для подготовки к допросу и что Вы будете делать, если обвиняемый потребует время для подготовки к допросу. На первый вопрос положительно ответил только 1 человек. На второй вопрос 106 человек ответили, что они отклонят требование обвиняемого, 70 – что удовлетворят, 6 – что обратятся к прокурору. Затруднился с ответом 1 человек. Вывод о правовой безграмотности, граничащей с произволом или даже равнозначной ему, очевиден.

В 1990 г. выяснялось отношение граждан (123), судей (23), помощников прокуроров (30), следователей (41) и студентов-юристов (89) к судебной-правовой реформе. Им было предложено дать ответ на вопрос, какие задачи судебной-правовой реформы они считают наиболее важными: 1) обеспечение подлинной независимости суда; 2) укрепление режима законности и усиление борьбы с преступностью; 3) улучшение финансирования и материально-технического обеспечения правоохранительных органов; 4) борьба с произволом административных и ведомственных органов; 5) совершенствование работы правоохранительных органов. Требовалось указать две важнейшие задачи. Из числа граждан большинство (69%) выбрало 2-ю и 4-ю задачи. Большинство профессионалов-юристов (78%) – 2-ю и 3-ю, большинство студентов (70%) –

3-ю и 5-ю. На приоритетность 1-й и 4-й задач указали 7% граждан, 5% профессионалов-юристов и 14% студентов. Отсюда следует вывод об определенном недопонимании частью юристов сути планируемой реформы, которая, по нашему мнению, предполагала, прежде всего, качественное изменение положения суда в обществе и государстве и противодействие растущей угрозе им со стороны преступности и других правонарушений. По всей видимости, юристы, как и граждане, отреагировали на то, что больше всего их беспокоит в повседневной жизни и «лежит на поверхности».

В 1997 г. методом скрытого интервью в сочетании с методом решения казусов было опрошено 15 судей, 15 помощников прокуроров и 15 следователей. На их разрешение был предложен один казус в трех вариантах.

Первый вариант: гражданин М. без определенного места жительства, безработный был задержан работниками милиции в то время, когда снимал дорожную джинсовую куртку с находящегося в сильной степени опьянения гражданина Д. Задержанный М., будучи допрошен в качестве подозреваемого, пояснил, что Д. распивал вместе с ним спиртные напитки и решил подарить ему куртку. Поскольку Д. был не в состоянии снять ее самостоятельно, М. решил помочь ему, но был задержан. Потерпевший Д. ни подтвердить, ни опровергнуть показания М. не смог. Работники милиции, допрошенные в качестве свидетелей, показали, что они видели, как М. снимал куртку с Д., и произвели задержание.

Первый вариант: гражданин М. нигде не работает, занимается бродяжничеством, за совершение правонарушений ранее не задерживался.

Второй вариант: ранее М. задерживался милицией при подобных обстоятельствах, но к уголовной ответственности не привлекался.

Третий вариант: М. работает на предприятии инженером, имеет семью, характеризуется положительно.

Необходимо определить, достаточно ли доказательств для обвинения М. в совершении преступления.

По каждому варианту опрашивалось по 15 человек (равное количество из соответствующей профессиональной группы). В ситуации, изложенной в первом варианте, 47% опрошенных ответили на вопрос утвердительно, 53% – отрицательно. Во втором варианте – 75% ответили утвердительно, 25% – отрицательно. В третьем варианте все дали отрицательный ответ.

Повторные опросы, проведенные в 1999 и 2003 гг. (на разрешение представлялись три ситуативно близких казуса), дали аналогичные результаты, что свидетельствует о существовании обвинительного уклона в отношении обвиняемых, относящихся к группе криминального риска.

В 2000 г. в ходе мониторинга соблюдения в Красноярском крае справедливости судебного разбирательства и обеспечения права на защиту¹ опрашивались адвокаты (148 чел.), осужденные (173 чел.), проводились наблюдения судебных заседаний (172), а также иные исследования (измерения). Вот некоторые из полученных результатов.

Эффективность судебного контроля за предварительным расследованием оценили как неудовлетворительную 39,3% адвокатов, как удовлетворительную – 50%, хорошую – 10,7%. Эффективность прокурорского надзора – 17,7, 61,3 и 16,1% соответственно. Работа следователей МВД была оценена на неудовлетворительно 37,9% адвокатов, удовлетворительно – 56,9%, хорошо – 5,2%, отлично – 0%. Работа следователей прокуратуры – 7 и 51,8%, 36,8 и 4,4% соответственно. 100% адвокатов указали на недостаточную распространенность судебной волокиты. При этом 14,5% адвокатов полагали, что судьи независимы и беспристрастны всегда, 55,6% – иногда, а 28,2% – никогда. 71% адвокатов подтвердили, что следователи препятствуют осуществлению защиты по уголовным делам (убеждают подозреваемых не нанимать адвоката, рекомендуют заменить на «своего», стремятся провести первые допросы без адвоката, пытаются не допустить встречи адвоката с его подзащитным до первого допроса, ограничивают время для ознакомления с материалами дела и т.п.). В свою очередь осужденные оценили деятельность своих защитников по назначению так: на «отлично» – 5%, «хорошо» – 18%, «удовлетворительно» – 22%, «неудовлетворительно» – 55%. Причем по данным наблюдений судебных заседаний продолжительность выступлений адвокатов в прениях составила: до 5 мин – 37,4%, до 15 мин – 42,6%, до 30 мин – 16,5%, свыше 30 мин – 3,5%.

Результаты мониторинга были подтверждены изучением деятельности Кировского районного суда г. Красноярска, проводившимся профессором Рутгерского университета (США) С. Поморски в 1999 и 2000 г. (5 недель) при участии автора в качестве независимого консультанта. В качестве значимых результатов, характеризующих российское правосудие, полученных по итогам исследования, можно назвать стремление к максимально быстрому судебному разбирательству (за счет нарушения юридических формальностей и снижения качества работы) и к стабильности судебных решений (за счет не критического отношения к результатам уголовного преследования и отрицательного отношения к вынесению оправдательных приговоров). Кроме того, по личным наблюдениям автора в подавляющем числе судебных разбирательств не было

¹ Автор был одним из руководителей мониторинга и соавтором доклада по его результатам.

правового спора, и судебные слушания сводились к формальному исполнению сторонами и судом своих прав и обязанностей¹.

При всей относительной достоверности этих и других данных, полученных в ходе мониторинга, они указывали на существование проблем с соблюдением справедливости судебного разбирательства и обеспечения права на защиту, в особенности в сочетании с описаниями наблюдателей-волонтеров различных ситуаций, зафиксированных ими во время судебных заседаний, которые они посещали (например, грубость судей по отношению к подсудимым и потерпевшим, их нетерпимость к гласности судебного разбирательства, демонстрация «особых», «дружеских» отношений с государственными обвинителями, нарушения порядка ведения судебных разбирательств, отсутствие необходимых материально-технических условий для осуществления правосудия и даже обвинительный уклон адвокатов-защитников)².

В то же время среди выявленных (обозначенных) мониторингом негативных явлений выделяется одно, существование которого (безотносительно уровня распространенности) само по себе является весьма отчетливым показателем как несправедливости российского уголовного судопроизводства, так и неэффективности борьбы с преступностью с помощью законных средств. Речь идет о применении незаконных методов ведения предварительного расследования (угрозы использования огнестрельного оружия; пристегивание наручниками; нанесение побоев дубинками, руками, ногами; надевание противогаза; помещение или угроза помещения в так называемые пресс-хаты и гаремы, где осуществляется физическое и сексуальное насилие или иное унижение человеческого достоинства).

Так, 29% опрошенных в ходе мониторинга осужденных заявили, что дали признательные показания под воздействием психического (20%) или физического насилия (9%). Хотя доверять этим заявлениям безоговорочно нельзя, тем не менее они нашли определенное подтверждение. В 1999 г. (накануне мониторинга) в прокуратуру Красноярского края поступило 257 заявлений о незаконном применении насилия работниками милиции. Из них в 97% случаев (249 заявлений) было отказано в возбуждении уголовного дела, в остальных (8 заявлений) возбуждены дела, но 5 из них прекращены и только 3 направлены в суд с обвинительным заключением. При этом 14% опрошенных адвокатов, а также

¹ См. подробнее: *Pomorski S.* Justice in Siberia: a case study of a lower criminal court in the city of Krasnoyarsk // *Communist and Post-Communist Studies*. 2001. № 34. P. 447–478.

² См. подробнее: *Горелик А.С., Назаров А.Д., Стойко Н.Г.* Справедливость судебного разбирательства и обеспечение права на защиту в уголовном судопроизводстве: Доклад по мониторингу. Красноярск, 2000.

84% судей (из 10 чел.) и 52% прокурорских работников (из 8 чел.), выступивших в роли экспертов, оценили деятельность прокуратуры по проверке подобных заявлений как неэффективную или даже бесполезную. Более того, по мнению 7% опрошенных адвокатов обращение в прокуратуру в таких случаях только усугубляет положение обвиняемых¹. Из этого можно было сделать вывод о том, что в большинстве случаев виновные в совершении насильственных действий остаются безнаказанными².

Следует отметить, что все вышеперечисленные проблемы и недостатки (равно как и другие) были известны уже давно и отмечались в литературе (даже в советский период) либо как отдельные тенденции или проблемы (обвинительный уклон; правовой нигилизм; упрощенческий подход к практическим проблемам; чрезмерная зарегулированность и усложненность процессуальной формы; низкий уровень деловых, моральных и иных профессиональных качеств правоприменителей; недостатки организации, руководства и управления; перегрузки в работе; игнорирование прав потерпевших, слабая защищенность их интересов; недостаточная гарантированность возмещения материального ущерба и судебных издержек; и т.п.)³, либо как острые противоречия, связанные с несправедливостью и неэффективностью судопроизводства (противоречия между потребностью общества в обеспечении социальной справедливости и возможностями уголовной юстиции; нацеленностью на неотвратимость уголовной ответственности и необходимостью соблюдать законные интересы лиц, вовлекаемых в уголовный процесс; назначением судопроизводства проводить государственную политику и потребностью в независимых, самостоятельных от других государственных органов следователях, прокурорах, судьях; необходимостью в профессионалах-правоприменителях и предубеждением против них;

¹ Горелик А.С., Назаров А.Д., Стойко Н.Г. Справедливость судебного разбирательства и обеспечение права на защиту в уголовном судопроизводстве. С. 78.

² Об указанной проблеме в масштабах Российской Федерации см. также: Признание любой ценой. Пытки в российской милиции. Мониторинговый доклад Хьюман Райтс Вотч. Нью-Йорк: Хьюман Райтс Вотч, 1999.

³ См.: Александров С.А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе. Горький, 1976. С. 121; Леоненко В.В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981. С. 118–121; Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 47–49; Туманов В.А. О правовом нигилизме // Государство и право. 1989. № 10. С. 20; Алиев И.А., Сидорова Н.А. Судебные издержки в уголовном судопроизводстве. Баку, 1989. С. 93–113; Коган В. Судебная реформа: кто за что? // Советская юстиция. 1988. № 19. С. 21; Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. С. 96–123; Шадрин В.С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование // Государство и право. 1994. № 4. С. 97; Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. С. 140; и др.

нуждой в преобразованиях уголовного процесса и потребностью в его стабильности)¹ или проявления жесточайшего кризиса системы российской уголовной юстиции (низкая эффективность усилий; невысокое качество работы при чрезвычайной перегруженности; кадровый голод; отсутствие независимой судейской корпорации; ориентация работников правоохранительных органов на исполнение навязанной извне воли; нищета юстиции; утрата общественного доверия)².

Однако, несмотря на то, что «болевы́е точки» нашего российского судопроизводства были определены достаточно точно, острота проблемы несправедливости (следственные и судебные ошибки, ущемление прав личности), по всей видимости, «увела» отечественных реформаторов от не менее острой проблемы неэффективности (непривлечение к уголовной ответственности виновных)³. В результате в число основных мер реформирования судопроизводства были включены такие, которые предполагали изменение отношений между его участниками на основе сопоставимости англо-американского образца⁴ (как будто бы она автоматически гарантирует справедливость). При этом преувеличенное значение придавалось введению суда присяжных (несомненно, демократическому институту), который сам по себе вне общей системы уголовно-процессуального регулирования не способен поддерживать баланс между интересами борьбы с преступностью и защиты прав и свобод человека⁵. Кроме того, явно игнорировались исследования и предложения российских ученых, направленные на преодоление кризисного состояния отечественного судопроизводства и не предполагавшие изменения его типа⁶, а также приводимые в нашей и зарубежной юридической литературе данные, указывающие на наличие в англо-американском процессе сходных с российскими проблем несправедли-

¹ См.: *Томин В.Т.* Избранные труды. С. 288–307.

² См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 16. См. также: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. № 44. Ст. 1435.

³ В.С. Джатиев справедливо назвал это «безграничной самоуверенностью»: *Джатиев В.С.* О противоречиях в российском уголовном процессе. Владикавказ, 1993. С. 5.

⁴ См., напр.: *Пашин С.А.* Судебная реформа и суд присяжных. М., 1995. С. 21.

⁵ На недопустимость некритического заимствования Россией данного института стран общего права без предварительного определения его совместимости с комплексным механизмом уголовно-процессуального регулирования в нашей стране обращал внимание видный американский ученый К. Осаке: *Осаке К.* Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: Учеб.-практ. пособие. М., 2002. С. 14.

⁶ См., например: Выявление и устранение следственных ошибок при судебном рассмотрении уголовных дел: Метод. пособие / Науч. рук. А.Д. Бойков. М., 1990; Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного расследования: Метод. пособие / Науч. рук. А.Б. Соловьев. М., 1991.

вости¹. Последнее обстоятельство в свете анализируемого нами вопроса имело принципиальное значение, так как весьма наглядно указывало на иллюзорность упования на воспринятый формально-правовым образом англо-американский образец. К примеру, американский профессор А. Дершовиц следующим образом охарактеризовал одну из негативных сторон уголовного правосудия своей страны:

1. Все адвокаты, обвинители и судьи, занимающиеся рассмотрением уголовных дел, исходят из того, что почти все обвиняемые по уголовным делам фактически виновны.

2. Легче добиться осуждения подсудимых, нарушив Конституцию, чем следуя ей. В некоторых случаях невозможно осудить подсудимых, не нарушив Конституции.

3. Все обвинители, судьи и адвокаты знают о том, что почти все полицейские дают ложные показания по поводу того, нарушили ли они Конституцию, с тем чтобы добиться осуждения подсудимых.

4. Все судьи знают о том, что многие обвинители косвенно поощряют полицейских давать ложные показания по поводу того, нарушили ли они Конституцию, с тем чтобы добиться осуждения подсудимых.

5. Большинство судей при рассмотрении дел в судебных заседаниях делают вид, что верят сотрудникам полиции, которые, как им известно, лгут. Все судьи апелляционных судов об этом знают, однако делают вид, что верят судьям в судах первой инстанции, которые, в свою очередь, делают вид, что верят лгущим сотрудникам полиции.

6. Большинство судей не верят подсудимым в вопросе о том, были ли нарушены их конституционные права, даже если те говорят правду.

7. Большинство судей и обвинителей не станут умышленно добиваться осуждения подсудимого, который, как они полагают, невиновен в инкриминируемом ему преступлении. Это, однако, не распространяется на участников предприятий организованной преступности, торговцев наркотиками, профессиональных преступников или потенциальных осведомителей².

В практическом отношении все это привело только к обострению ранее существовавших проблем³ и серьезному дисбалансу интересов в

¹ См., например: *Ковалев В.А.* Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-полицейская реальность. М., 1986; *Николайчик В.М.* США: Полицейский контроль над обществом. М., 1987; *Уайнреб Л.Л.* Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. М., 1985; и др.

² *Dershowitz A.M.* The Best Defense. New York, 1983. P. 19. Приводится в переводе и редакции В.М. Николайчика по его предисловию к книге Л.Л. Уайнреба. См.: *Уайнреб Л.Л.* Отказ в правосудии. С. 15–16.

³ Об этом свидетельствует, в частности, практическая правозащитная и консультационная деятельность автора. В общей сложности в период с 2002 по 2006 год были проана-

российском уголовном процессе¹. Вот почему существует настоятельная необходимость продолжения реформы нашего судопроизводства, но не в формально-правовом отношении (путем внесения кардинальных изменений в закон), а в уголовно-политическом подходе (путем разработки соответствующих стратегий и планировании их реализации с учетом конкретных социальных факторов).

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ И ПРИНЦИПЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО, ЗАДЕРЖАННОГО

Р.М. Жамиева

Процесс имплементации норм международного права отражает тенденции интеграции государств в международное сообщество. Казахстан не должен оставаться в стороне от этих процессов. Международные принципы и стандарты позволяют критически взглянуть не только на законодательство, но и на практическую деятельность, предлагать меры по их реформированию с учетом международного и зарубежного опыта. Для адвоката, представляющего не зависимую от государства организацию, соблюдение всех международных стандартов и принципов, реализация которых зависит от него самого и его коллег, есть профессиональный долг.

Так, ст. 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. предусматривает право на защиту в гласном судебном разбирательстве в единстве с презумпцией невиновности². Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. среди гарантий человека

лизированы материалы 29 уголовных дел, по которым даны письменные консультации (заключения), касающиеся проблем произвола со стороны оперативно-розыскных органов, конституционно неоправданного ограничения прав человека, нарушений закона при производстве отдельных следственных действий и принятии отдельных процессуальных решений. О содержании этих консультаций см. подробнее: Формирование доказательственной базы по гражданским и уголовным делам: Библиотечка «эж-Юрист». Сер. «Судебная практика». М., 2004. С. 94–138.

¹ На это обращают внимание многие авторы. См., например: *Бойцов А.И.* Выдача преступников. СПб., 2004. С. 775; *Азаров В.А.* Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренб. гос. ун-та. 2006. № 3. С. 4–8.

² Международный билль о правах человека. Права ребенка. Алматы: ТОО Аян Эдет, 1998. С. 5.